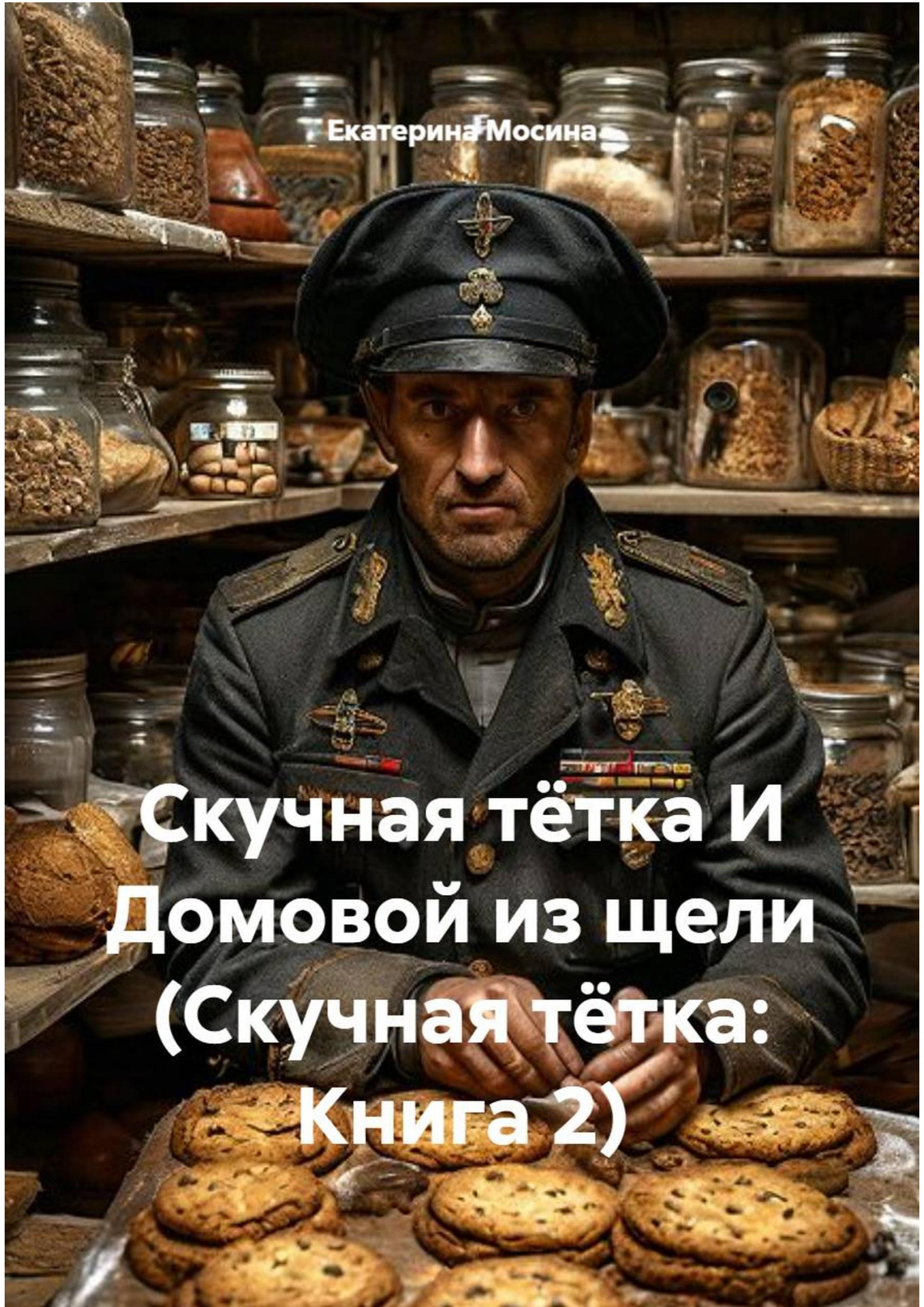

A man in a dark military uniform with a peaked cap and several medals on his chest is sitting in a pantry. He is surrounded by shelves filled with jars of various grains and nuts. In front of him is a large tray of round, golden-brown cookies. The lighting is warm and focused on the man.

Екатерина Мосина

Скучная тётка И Домовой из щели (Скучная тётка: Книга 2)

Екатерина Мосина

**Скучная тётка И Домовой из
щели (Скучная тётка: Книга 2)**

«Автор»

2026

Мосина Е. А.

Скучная тётка И Домовой из щели (Скучная тётка: Книга 2) /
Е. А. Мосина — «Автор», 2026

Представьте, что однажды вы обнаруживаете в своей кладовке нечто, что нельзя объяснить наукой, невозможно занести в отчётность и категорически отказывается подчиняться генералам. Вам предлагают: а) позвонить в МЧС, б) написать заявление об увольнении, в) сесть на пол и заплакать. Августа выбирает четвёртый вариант: она начинает печь этому нечто печенье и разговаривать с ним по душам. И это, как ни странно, срабатывает. Чудо невозможно запротоколировать. Можно попытаться. Можно приехать из Москвы с комиссией, можно наложить ГОСТ на метафизику, можно требовать «сухих цифр» и «прикладных результатов». Но чудо — это не цифра. Это то, что происходит, когда ты перестаёшь бояться и начинаешь просто жить рядом. Когда ты понимаешь: домовый из щели — не объект исследования. Он — сосед. И соседа надо кормить. Не по графику, а по любви.

© Мосина Е. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Утро начинается не с кофе	5
Глава 2. Меню для невидимого гурмана	10
Глава 3. ГОСТ на печенье для сущности	15
Глава 4. Разговор без слов	19
Глава 5. Метод кнута и пряника	23
Глава 6. Невербалика для начинающих домоводов	28
Глава 7. Прибытие апостолов от науки	32
Глава 8. Эксперимент с последствиями	37
Глава 9. Высокая комиссия	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Екатерина Мосина

Скучная тётка И Домовой из щели (Скучная тётка: Книга 2)

Глава 1. Утро начинается не с кофе

– Значит так! – сказал генерал Ерофей Громов, водружая на стол папку толщиной с хороший кирпич. – Я тут изучил вопрос.

Августюша посмотрела на папку, потом на генерала, потом снова на папку. У неё было странное ощущение, что, если открыть эту папку, оттуда выпадет не просто документ, а целый новый вид бюрократии, доселе неизвестный человечеству.

– И к каким выводам пришли, товарищ генерал? – осторожно спросила она супруга своей подруги Жоржетты.

– Вывод простой, – Громов победно хлопнул ладонью по обложке. – Нам нужен ГОСТ.

Тишина в комнате стала такой плотной, что её можно было резать ножом и подавать к ужину.

– Что простите? – переспросила Варвара Прокопьевна, которая как раз разливала чай. Она замерла с заварочным чайником в руке, напоминая памятник «Женщина с чайником в момент осознания абсурда бытия».

– ГОСТ! – повторил Громов с видом человека, который только что открыл Америку, но почему-то в собственном гараже. – Государственный стандарт. На кормление меж-пространственной сущности. У нас же есть ГОСТ на печенье? Есть. На молоко? Есть. А на то, чем мы кормим эту... – он запнулся, подбирая слово, – ...энергетическую единицу, нету. А надо бы.

Жоржетта, сидящая тут же с планшетом, подняла глаза и посмотрела на мужа с выражением, которое обычно появляется у женщины, осознавшей, что её благоверный собрался стандартизировать Вселенную.

– Ерофей, – сказала она тоном, которым разговаривают с неразумным, но любимым домашним питомцем, – ты хочешь сказать, что мы должны разработать ГОСТ на воспоминания?

– А почему нет? – Громов даже не моргнул. – Всё должно быть по регламенту. Вот смотрите. Я тут набросал проект.

Он открыл папку. Оттуда действительно выпал не просто документ. Выпала целая философская система, изложенная на сорока страницах убористым шрифтом.

– Раздел первый, – начал зачитывать генерал. – «Общие положения. Пункт 1.1: Настоящий стандарт распространяется на процесс обеспечения метафизического обмена между физическими лицами, уполномоченными для контакта с неклассифицированным объектом „Самоварчик“, и самим объектом...»

– Господи, – выдохнула Августа и села на стул, который предусмотрительно пододвинул появившийся из ниоткуда Радаслав.

Сын смотрел на происходящее с тем особенным выражением лица, которое бывает только у подростков, убедившихся, что взрослые окончательно и бесповоротно свихнулись, и теперь придётся разбираться самим. В свои тринадцать он уже научился смотреть на мир с той снисходительной иронией, которая обычно бывает людям сорока и трёх разводов.

– Мам, – сказал он тихо, – а дядя Громов вообще понимает, что «Самоварчик» не ест печенье? Он его... ну, чувствует.

– Чувствует? – Громов нахмурился. – Это не технический термин, молодой человек. Нам нужны измеримые показатели. Единицы измерения. Шкала от одного до десяти.

– А как вы измерите «яблочный пирог бабушки»? – поинтересовалась Варвара Прокопьевна, наконец опуская чайник на стол. – У меня, знаете ли, в молодости были поклонники. Один даже стихи писал. Я их все помню. Но я не знаю, в каких единицах измеряется сила воспоминания.

– В стихах, – неожиданно подал голос Радаслав.

Все повернулись к нему.

– Что? – переспросила Августа.

– Ну, – молодой человек пожал плечами, – он же не числами думает. Он... ну, как будто картинками. И звуками. И запахами. Вчера я ему нарисовал рисунок – там лес и речка. И он прямо засветился. А когда дядюшка Ерофей принёс ему таблицу Менделеева, он погас и полдня не разговаривал.

Громов поперхнулся чаем.

– Так, – сказал он, промокнув усы платком. – Во-первых, таблица Менделеева – это великое достижение человеческой мысли. Во-вторых, откуда ты знаешь, что он «погас»? Ты же не видишь «пятно».

– Вижу, – просто ответил Радаслав. – Я его всегда видел. Просто раньше думал, что это такой... ну, как бы... свет из-под двери. А оказалось – он.

Августа почувствовала, как у неё начинает болеть голова. Причём не обычной головной болью, а какой-то новой, метафизической. Болело, кажется, не само вещество мозга, а его отношение к реальности.

– Подожди, – она повернулась к сыну. – Ты хочешь сказать, что ты видел «Самоварчика» до того, как мы официально его обнаружили?

– Ну-да, – Радаслав выглядел слегка смущённым. – Я думал, это нормально. Что все видят. Ну, знаешь, такое золотистое пятно в углу комнаты. Особенно когда темно. Оно двигалось, если на него смотреть. Как будто дышит.

Жоржетта уже лихорадочно стучала по планшету.

– Это меняет всё, – бормотала она. – Абсолютно всё. Сын главного контактера обладает врождённой способностью к перцепции объекта. Это же... это же...

– Это же проблема, – закончила за неё Августа. – Потому что, если он его видит, значит, он может с ним общаться. А если он может с ним общаться, то...

– То твой крестник Жоржетта – самый ценный ресурс в этом бункере после самого «Самоварчика», – мрачно закончил Громов, поглядывая на супругу. Жоржетта только вздохнула.

Громов посмотрел на Радаслава с выражением лица, которое обычно бывает у людей, только что осознавших, что их пенсия теперь зависит от 13-летнего мальчика и его способности договариваться с меж-пространственной сущностью.

В этот момент дверь в комнату открылась, и вошёл Ксенофонт – высокий, слегка растрёпанный, с синими разводами машинного масла на рукаве. Главный инженер проекта, а по совместительству – супруг Августюши и папа Радаслава, он имел привычку появляться именно в те моменты, когда разговор достигал пика абсурда, и своим присутствием этот абсурд каким-то чудом превращать в рабочий процесс.

– Я слышал, у нас тут ГОСТ на эмоции? – спросил он, чмокнув жену в макушку и потрепав сына по затылку. – А у меня к вам техническое предложение. Если мы стандартизируем воспоминания, нам потребуется усилить систему охлаждения. Потому что, когда «Самоварчик» начинает переваривать эмоциональный контент высокой плотности, температура в серверной подскакивает до сорока градусов.

– Серверная нагревается? – переспросила Жоржетта, мгновенно переключилась в режим учёного.

– Ага, – Ксенофонт уселся на свободный стул и налил себе чаю. – Я вчера ради эксперимента поставил датчики. Когда Радаслав рассказывал ему про тот случай, как мы с Августой познакомились, температура выросла на три градуса. Когда Варвара Прокопьевна вспоминала своего покойного мужа – на пять. А когда Громов начал читать вслух устав гарнизона, температура упала на два градуса. «Самоварчику» стало скучно.

– Устав гарнизона – это святое! – возмутился Громов.

– Для тебя – святое, – парировал Ксенофонт. – Для него – снотворное. А если серьёзно, то нам нужно понять, что мы имеем дело не с механизмом. Он растёт, развивается, у него появляются предпочтения. А это значит, что нам нужно учиться с ним договариваться, а не просто кормить по расписанию.

Варвара Прокопьевна одобрительно кивнула:

– Я тебе больше скажу, Ксенофонт Палыч. Домовые они такие: если с ними по-хорошему, они весь дом в порядке держат. Если по-плохому – такие чудеса начнут вытворять, что мама не горюй. А если забыть покормить – вообще могут уйти, и тогда в доме счастья не будет.

– Ну а кто он, по-вашему? – Варвара Прокопьевна пожала плечами. – Живёт в щели. Любит, когда его кормят вкусеньким. Помогает, если к нему по-хорошему. Вредничает, если обидеть. Чистый домовый. Только вселенского масштаба.

– Домовые, – задумчиво повторила Августюша. – Значит, мы теперь не учёные, не исследователи. Мы – семья, которая приютила домового вселенского масштаба.

– Звучит как название фильма?! – заметил Радаслав.

– Или как диагноз, – вздохнула Августа.

Она посмотрела на своё отражение в тёмном мониторе. Скучная тётка из экономического отдела, которая мечтала о тихой жизни, о том, чтобы сын хорошо учился, а муж вовремя приходил с работы. Теперь она – главный контактёр с меж-пространственной сущностью, её сын – природный медиум, муж – главный инженер проекта, а лучшая подруга замужем за генералом, который хочет ввести ГОСТ на кормление домового. Жизнь определённо пошла не по плану.

Августа посмотрела на золотистое свечение, которое мерцало в углу комнаты, за мониторами и приборами. «Самоварчик» – неклассифицированный объект, кросс-реальностная эманация, источник неевклидовых артефактов – наблюдал за ними с тем же любопытством, с каким кот наблюдает за аквариумом.

– Ладно, – сказала Августа, принимая от Варвары Прокопьевны чай. – Давайте по порядку. У нас есть сущность из другого измерения. Мы её кормим воспоминаниями и эмоциями. Она в ответ создаёт красивые штуки из света. Теперь выясняется, что мой сын – природный медиум. А вы, Ерофей Петрович, – она повернулась к Громову, – хотите ввести это в рамки государственного стандарта.

– Всё должно быть систематизировано, – упрямо сказал генерал.

– А вы!?! – Августа посмотрела на Варвару Прокопьевну, – Считаете, что это просто домашней.

– А разве нет?

– А вы, – она перевела взгляд на Жоржетту, – строите графики его настроения.

– Это называется «корреляционный анализ эмоциональных откликов», – обиженно поправила Жоржетта.

– А я, – сказала Августа сама себе, – просто хотела тихой жизни. Скучной. Обычной. С экономическими и стратегическими отчётами и вечерним чаем.

– Ну, – философски заметил Радаслав, – со стратегией у нас теперь всё будет в порядке. Дядюшка Громов обещал ГОСТ.

Генерал удовлетворённо кивнул.

– Вот, – сказал Громов. – Ребёнок понимает.

– Ребёнок понимает, что вы все сошли с ума, – вздохнула Августа. – Но это я и без него знала.

Она сделала глоток чая и почувствовала, как знакомый вкус мяты и мелиссы успокаивает нервы. Варвара Прокопьевна знала своё дело.

– Хорошо, – сказала Августа, ставя кружку на стол. – Давайте начнём с начала. Что мы знаем о «Самоварчике» на данный момент?

– Он любопытный! – сказал Радаслав.

– Он эмпатичный! – добавила Варвара Прокопьевна.

– Он непредсказуемый! – заметила Жоржетта.

– Он требует стандартизации. – твёрдо заявил Громов.

– А ещё, – тихо сказала Августа, глядя на золотистое свечение, – он, кажется, скучает.

– Скучает? – переспросила Жоржетта. – По кому?

– Не знаю, – Августа пожала плечами. – Может, по тому, кто его раньше кормил. По Диме.

При этих словах в комнате повисла тишина. Даже «Самоварчик» перестал мерцать, как будто прислушиваясь.

– Ты думаешь, Дима тоже обнаружил его? – медленно спросил Громов. – Ты думаешь, он с ним уже работал?

– Я не знаю, – честно ответила Августа. – Но у меня такое чувство, что мы только начинаем понимать, во что ввязались.

Она посмотрела на своё отражение в тёмном мониторе. Скучная тётка из экономического отдела, которая мечтала о тихой жизни, чтобы сын и муж были здоровы. Теперь она – главный контактёр с инопланетным разумом, а её сын – природный медиум. Жизнь определённо пошла крайне интересным витком спирали своего развития.

– Ладно, – сказала она, встряхивая головой. – Завтра начинаем новую жизнь. С графиками, ГОСТами и кулинарной книгой для не-сущего. А сегодня... Сегодня я хочу просто посидеть и выпить чаю. Без метафизики.

– Хорошо, – кивнула Варвара Прокопьевна. – Я как раз испекла пирог.

– С яблоками? – с надеждой спросил Радаслав.

– А то с чем же, – улыбнулась старушка. – Домовой любит яблочный пирог. Это даже в ГОСТе можно прописать.

Громов записал что-то в блокнот с серьёзным видом.

Августа закрыла глаза и сделала ещё один глоток чая.

Ксенофонт обнял жену за плечи:

– Ну что, экономист, мой хороший, не жалеешь, что согласилась на эту авантюру?

Августа посмотрела на него, потом на сына, на Варвару Прокопьевну с пирогом, на Жоржетту, уткнувшуюся в планшет, на Ерофея Громова, строчащего очередной пункт инструкции, и на золотистое свечение в углу комнаты, которое пульсировало в такт дыханию всех присутствующих.

– Жалею!? А был выбор?! – честно сказала она. – Но, знаешь, если выбирать между скучной экономической стратегией развития предприятия и вот этим... этим волшебным домом, который мы все вместе построили... я выберу – наш волшебный дом.

– Мудрое решение! – кивнул Ксенофонт.

– Ага!? – усмехнулась Августа. – Я вообще мудрая. Я же экономист-финансист.

Она взяла кусок пирога и сделала глоток чая.

Где-то на границе восприятия, в углу комнаты, золотистое свечение пульсировало в такт её дыханию.

Новая нормальность начиналась.

И она была определённо страннее, чем любая ненормальность, которую Августа могла себе представить раньше.

Глава 2. Меню для невидимого гурмана

Утро следующего дня началось с того, что Варвара Прокопьевна появилась в бункере с двумя хозяйственными сумками, из которых торчали пучки сушёных трав, банки с мёдом и что-то, подозрительно напоминающее веник для бани.

– Это ещё зачем? – спросила Августа, которая пыталась продрать глаза и одновременно вспомнить, в какой реальности она сегодня проснулась.

– А это, милая, для аппетита, – таинственно ответила Варвара Прокопьевна. – Домовые любят, когда пахнет домом. А что пахнет домом? Правильно: пироги, травы и банный веник. У нас тут, между прочим, сущность неделю на одних воспоминаниях сидит. Надо разнообразить меню.

– Меню!? – повторила Августа, чувствуя, как привычная головная боль возвращается с новой силой. – Для меж-пространственной сущности. Меню!?

– А что такого? – Варвара Прокопьевна уже раскладывала на столе припасы с видом заправского шеф-повара. – У нас вон генерал ГОСТ придумывает, а я – рецепты. Каждый должен заниматься своим делом.

Громов, сидевший за своим столом с неизменной папкой и чашкой чая, при этих словах одобрительно кивнул, не отрываясь от бумаг. Судя по количеству исписанных листов, он уже успел разработать стандарты на три раздела и сейчас трудился над четвёртым, посвящённым гигиеническим требованиям к помещению для кормления.

Жоржетта, сидящая рядом с мужем за тем же столом, покосилась на его кипу бумаг и тихо вздохнула. Она уже двадцать лет была замужем за этим человеком и знала: если Ерофей Петрович вбил себе в голову, что нужен ГОСТ, он добьётся своего, даже если для этого придётся стандартизировать сам факт существования Вселенной.

– Варвара Прокопьевна, может, не будем начинать день с абсурда? – жалобно попросила Августа. – Дайте хотя бы чаю выпить.

– Чай – это святое, – согласилась старушка, ловко переключаясь на чайник. – Я как раз с мятой и мелиссой принесла. Как ты любишь.

Августюша благодарно кивнула и с тоской подумала о супруге. Ксенофонт, главный инженер проекта, как обычно, уже с утра ушёл в технический отсек – проверять показатели датчиков и следить, чтобы «Самоварчик» случайно не замкнул всю энергосистему бункера своими эмоциональными всплесками. «Хоть бы кто-то в этой большой волшебной семейке оставался нормальным, – подумала Августюша. – Но нет, мой муж чинит оборудование для кормления домового. А я – главный контактёр с этим домовым. А наш тринадцатилетний сын – его личный переводчик».

Она покосилась на Радаслава. Сын сидел на полу, скрестив ноги по-турецки, и с задумчивым видом изучал золотистое пятно в углу. В свои тринадцать лет он выглядел старше – не лицом, а какой-то внутренней серьёзностью, которая появляется у детей, рано столкнувшихся с тем, что мир устроен гораздо сложнее, чем учат в школе.

– Значит так. – Варвара Прокопьевна водрузила на стол внушительных размеров блокнот в клеточку. – Я тут поразмыслила на досуге. Раз наша... э-э-э... нечисть питается эмоциями

и воспоминаниями, то надо понять, какие именно блюда мы можем ей предложить. В смысле, какие эмоции.

– А разве не все подходят? – поинтересовалась Жоржетта, отрываясь от планшета.

– Не все, – твёрдо сказала старушка. – Вчера вечером я попробовала вспомнить, как я на своей первой работе в бухгалтерии отчёт за год сдавала. Стресс был – страшное дело. И знаете, что? «Самоварчик» прямо потемнел. Ему такое не нравится.

– Стресс?! – задумчиво произнёс Громов, делая пометку в папке. – Записать: негативные эмоции снижают активность объекта.

– Да, какие там негативные, – отмахнулась Варвара Прокопьевна. – Просто скучные. Он, может, и не различает, хорошие или плохие. Ему важно – интересные или нет!??

В комнате повисла тишина. Августа почувствовала, как внутри неё шевельнулось что-то очень странное. Какое-то... понимание. Словно кто-то тихо подсказал: «Верно. Интересно – вот что главное».

Она посмотрела на «Самоварчика». Золотистое свечение в углу пульсировало ровно, без вспышек, но с какой-то... теплотой? Будто сущность одобряла слова старушки.

– А вы уверены? – спросила Жоржетта, подходя ближе к «пятну». – Я имею в виду, может быть, это просто совпадение?

– Милая! – Варвара Прокопьевна посмотрела на неё с выражением лица, которое бывает только у женщин, переживших не одну смену власти и не одного домового, – ... я всю жизнь прожила с этим чувством. Когда надо угодить невидимому соседу. То пирожок оставишь, то молочка нальёшь. У нас в деревне, если домовый обижался, скотина болела. А если его задобрить – всё ладилось. Так что ты мне про «совпадение» не рассказывай.

Она решительно открыла блокнот.

Громов, услышав, как его жену отчитывают тоном деревенской бабушки, хмыкнул в усы, но промолчал. За многие зимы и лета брака с Жоржеттой он привык, что его учёная супруга может дать фору любому академику, но перед Варварой Прокопьевной пасовала даже она.

– Итак, – объявила Варвара Прокопьевна. – Составляем меню.

– Варвара Прокопьевна, – осторожно начал Радаслав, который сидел на полу, скрестив ноги, и с любопытством наблюдал за происходящим, – а как вы узнаете, что ему нравится? Ну, кроме того, что свет меняется?

– А ты смотри, – старушка подошла к углу, где мерцал «Самоварчик», и достала из кармана фартука... носовой платок.

Все замерли.

Варвара Прокопьевна осторожно, словно пытаясь не спугнуть дикого зверька, протянула платок к свечению. Золотистый свет дрогнул, вытянулся тонкой нитью к платку, коснулся его... и платок исчез.

– Вот, – удовлетворённо сказала старушка. – Значит, ему понравилось. Возьмёт – значит, его. Не возьмёт – откажется.

– Вы только что скормили сущности носовой платок, – медленно проговорила Августа.

– Не платок, а память, – поправила Варвара Прокопьевна. – Этот платок мне мой покойный муж подарил. Сорок лет назад. Я его с собой всю жизнь таскаю. Там вся моя молодость. А «Самоварчику» молодость – самое то, он же сам ещё молодой.

– Сущность не может быть молодой. Она вне времени, – вставил Громов, но голос его звучал неуверенно.

– А вот и может, – парировала Варвара Прокопьевна. – Вы на него посмотрите. Он же как шенок. Любопытный, игривый. Ему всё интересно. Он только-только появился в нашем мире. Может, он вообще только, что родился? С точки зрения нашего времени?

Августа снова почувствовала этот странный толчок – внутри, за грудиной. Будто что-то щёлкнуло. Она видела, как «Самоварчик» слегка изменил цвет – от золотистого к тёплому медовому. Ей показалось, или он действительно одобряет слова Варвары Прокопьевны?

«Надо будет вечером Ксенофону рассказать, – подумала она. – Он хоть и технарь до мозга костей, но про эти штуки слушает с интересом. Особенно когда я ему говорю, что „Самоварчик“ реагирует на тёплые воспоминания. Он тогда ворчит, что мы превратили науку в кулинарию, но сам ночью на датчики смотрит и улыбается».

– Ладно, – сказала Августа, решительно вставая. – Если мы составляем меню, то надо понять, что у нас есть в запасе. Жоржетта, какие у нас данные по успешным кормлениям?

– Ну-у, – Жоржетта застучала по планшету, – за прошедшую неделю мы зафиксировали семнадцать сеансов. Самый успешный – когда вы, Августа Иосифовна, рассказывали про своё детство, про сад и Жоржетту. Тогда объект выдал максимальную активность – плюс тридцать процентов к яркости свечения. Второй по успешности – когда Радаслав рисовал ему картинки. Третий – когда Варвара Прокопьевна пела песню про калину.

– Песня помогла? – удивилась Августа.

– А то, – довольно кивнула старушка. – Я эту песню ещё в молодости пела, когда в поле работали. Там вся душа вложена.

– Хорошо, – Августа потеряла виски. – Значит, у нас есть категории: ностальгия, детство, работа... Что ещё?

– Еда!? – вдруг сказал Радаслав.

– Что?

– Еда, мам. Он любит, когда мы едим. Вчера вечером, когда Варвара Прокопьевна пирог испекла, я сидел рядом с ним и ел. Он прямо... ну, знаешь, как кот, когда слышит, что открывают банку с тушёной. Засветился ярче.

Августа посмотрела на сына с новым чувством. Она уже привыкла, что он видит больше, чем она, но каждый раз это открытие заставляло её врасплох.

– Он получает удовольствие от нашего удовольствия, – медленно проговорила она. – То есть, он – эмпат. Он пытается не просто воспоминаниями, а переживаниями, которые с ними связаны.

– А я о чём? – сказала Варвара Прокопьевна. – Домовой – он же хозяйский. Он радуется, когда в доме хорошо. И грустит, когда плохо.

– Теперь я понимаю, почему он притих, когда я рассказывала про потерю Димы, – тихо сказала Августюша.

Все замолчали. «Самоварчик» в углу, казалось, тоже притих. Свечение его стало мягче, теплее.

– Вот, – Варвара Прокопьевна вдруг хлопнула в ладоши. – А давайте попробуем кое-что новенькое? Я тут принесла не только травы, но и... – она сделала паузу и торжественно извлекла из сумки небольшой глиняный горшочек, – мёд, собранный на моей пасеке. Двадцать лет этому мёду. Я его берегла.

– Мёд? – переспросила Жоржетта.

– Не просто мёд, – старушка подняла палец. – Это память. Я этот мёд с бабушкой собирала. Мне тогда пять лет было. Помню, как пахло липой, и как солнце светило, и как я испачкалась вся, и бабушка смеялась. Если этого мало для «Самоварчика», тогда я ничего не понимаю.

Она открыла крышку горшочка. Сладкий, густой запах разлился по комнате. Августа почувствовала, как у неё зашипало в носу – не от мёда, а от чего-то другого. От ощущения, что этот запах – не просто запах, а время. Сжатое, концентрированное время.

«Самоварчик» замер. А потом начал меняться.

Золотистый свет вдруг стал густым, янтарным, вязким, как тот самый мёд. Он потянулся к горшочку, обволакивая его, и... горшочек исчез. Не испарился, не растворился. Просто перестал быть. Вместе с мёдом.

В комнате запахло липой.

– Ого!? – сказал Радаслав.

– Вот это да!? – выдохнула Жоржетта.

Громов молчал, но рука его тянулась к папке, чтобы записать и это.

А Августа смотрела на «Самоварчика» и видела, как янтарный свет пульсирует ровно, спокойно, удовлетворённо. Как будто сущность наконец-то наелась.

– Кажется, – сказала она, – мы нашли его любимое блюдо.

– Мёд, – удовлетворённо кивнула Варвара Прокопьевна. – Надо записать. В ГОСТе, в меню, везде. Домовой любит мёд. И липу. Святое дело.

– И не только?! – вдруг добавил Радаслав.

Все повернулись к нему.

– Что значит «не только»? – спросила Августа.

– Он... – молодой человек на секунду замялся, прислушиваясь к чему-то внутри себя, – он говорит, что ему не просто мёд понравился. А то, что Варвара Прокопьевна его берегла. Двадцать лет. Для кого-то важного. Для внуков, наверное.

Варвара Прокопьевна охнула и прижала руку к груди.

– Господи, – прошептала она. – А ведь правда. Я его берегла для Сашеньки, внучки моей. Для её свадьбы.

– Он понял! – сказала Августа, чувствуя, как у неё самой начинает щипать в глазах. – Он понял, что это был подарок. От сердца.

– Мы кормим его любовью, – тихо сказала Жоржетта. – Не просто эмоциями. Любовью. Временем. Памятью.

Громов медленно отложил ручку.

– Значит, – сказал он, и голос его звучал непривычно мягко, – нам нужен не ГОСТ? А... что-то другое?

– Нам нужна кулинарная книга, – улыбнулась сквозь слёзы Варвара Прокопьевна. – Для домового. С рецептами из самого сердца.

В дверях показался Ксенофонт – с планшетом в руках и масляным пятном на щеке.

– Я всё слышал ... – сказал он, подходя к столу. – Мёд, значит. А я как раз пришёл сказать, что датчики зашкалило. Температура в серверной поднялась на пять градусов, а энергопотребление выросло на двадцать процентов. – Он перевёл взгляд на золотистое свечение. – Сытый, довольный и греет помещение. Экономичнее газового котла.

Августа звонко (и так как-то тепло по-детски) рассмеялась – впервые за всё утро.

– Ксенофонт, ты даже из меж-пространственной сущности умудряешься извлечь инженерную пользу.

– А что? – пожал плечами её супруг. – Если он будет так реагировать на хорошие воспоминания, мы сможем отапливать бункер его энтузиазмом. Надо только подобрать правильное меню.

– Я бы сказала, – улыбнулась Августа, глядя на свою странную, свою волшебную семью, собравшуюся вокруг золотистого света, – что меню у нас будет знатное.

«Самоварчик» в углу мягко засветился тёплым, медовым светом.
Казалось, он был согласен.

Глава 3. ГОСТ на печеньё для сущности

Утро следующего дня началось с того, что Генерал Громов явился в бункер вновь с папкой, толщина которой могла соперничать с бронеплитой БТР-80.

За столом уже собиралась странная волшебная семья Августы: Варвара Прокопьевна – бабушка-целительница от мира духов; Жоржетта – её подруга и главный научный аналитик проекта; Громов, Ерофей Петрович – генерал-метролог, муж Жоржетты, превративший изучение аномалии в создание всеобъемлющего ГОСТа; и сам Радаслав, тринадцатилетний сын Августы, её тихий ангел-хранитель с даром, который она до сих пор не решалась назвать телепатией. И, конечно, она сама – Августа Иосифовна, бывший финансист-экономист, а ныне ответственная за это всё, включая собственного мужа, главного инженера Ксенофонта, который в этот момент, наверное, копался в серверных стойках, обеспечивая светом и теплом их безумные эксперименты.

– Товарищи, – объявил он, водружая папку на стол, за которым Августа пыталась допить свой утренний кофе до того, как он превратится в холодный компот из реальности и абсурда, – я разработал проект нормативной документации.

Жоржетта подавилась чаем, слушая своего супруга. Варвара Прокопьевна, которая как раз раскладывала на столе свои травяные сборы, замерла с пучком зверобоя в руке. Радаслав, сидевший на полу и рисовавший что-то в альбоме, поднял голову с выражением лица, которое бывает только у детей, когда взрослые говорят что-то очень глупое, но они слишком вежливы, чтобы это сказать.

– Нормативной документации? – переспросила Августа, чувствуя, как её голос приобретает ту самую интонацию, с которой она раньше разговаривала с бухгалтерами, пытавшимися объяснить ей, что творческий отпуск не облагается налогом.

– Именно, – Громов раскрыл папку и водрузил на нос очки. – Первый раздел: «Положение о порядке взаимодействия с не-идентифицированными метафизическими объектами. Стандарты кормления».

– Кормления?! – повторила Августа.

– Термин рабочий! – невозмутимо ответил Генерал. – В окончательной редакции будет называться «Энерго-информационное обеспечение объекта».

– Господи ... – выдохнула Варвара Прокопьевна. Выдохнула она это слово не как богохульство, а как просьбу о спасении.

– Итак! – Громов перелистнул страницу. – Пункт первый: «Кормление объекта производится трижды в сутки. Утреннее кормление – с 06:00 до 07:00. Дневное – с 13:00 до 14:00. Вечернее – с 20:00 до 21:00».

– А если он захочет ночью перекусить? – спросил Радаслав.

Генерал строго посмотрел на мальчика поверх очков. Посмотрел – и задумался. На его лице появилось выражение человека, который впервые столкнулся с тем, что его стройную теорию может опровергнуть 13-летний ребёнок.

– Ночное кормление... – медленно проговорил он, – не предусмотрено расписанием.

– А он говорит, что хочет, – пожал плечами Радаслав.

Все одновременно повернулись к углу, где мерцал «Самоварчик». Свечение его было ровным, спокойным, но в нём угадывалось что-то вроде... нетерпения? Ожидания?

– Он... разговаривает с тобой? – спросила Августа у сына, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

– Не словами, – Радаслав нахмурился, подбирая слова. – Просто я знаю. Вот как знаешь, что хочешь есть, даже если тебя не спрашивают.

– Пункт первый, – решительно сказал Громов, делая пометку в папке, – дополнить: «Кормление по требованию объекта. По согласованию с ответственным лицом».

– Каким ответственным лицом? – поинтересовалась Августа.

– Вами! – Громов посмотрел на неё строго. – Вы назначены старшим по кормлению.

– Я? – Августа почувствовала, что её карьера, которая и так была странной, достигла новой высоты абсурда. – Я старший по кормлению сущности?

– А кто же ещё? – резонно заметила Варвара Прокопьевна. – Вы тут главная по чудесам. Я – по рецептам. Жоржетта – по приборам. Радаслав – по переводу. Генерал – по бумажкам. Всё по уму.

– По штатному расписанию, – поправил Громов. И добавил, чуть мягче: – Я тут подумал... Варвара Прокопьевна права. С метафизикой на «ура» не пройдёшь. Нужна система. Но система должна учитывать специфику.

– Специфику, – повторила Августа. – Вы про то, что мы кормим непонятно что непонятно чем в непонятно каких количествах?

– Именно, – кивнул Громов, не заметив иронии. – Поэтому второй раздел: «Классификация эмоциональных стимулов по категориям».

Он перевернул страницу, и Августа увидела таблицу. Красиво расчерченную, с графами, с подзаголовками. Выглядело это как меню ресторана для инопланетян.

– Категория «А»: положительные эмоции, – зачитал Громов. – Подкатегории: радость, умиротворение, благодарность, умиление, ностальгия. Рекомендуемая дозировка: от 15 до 30 минут непрерывной трансляции. Категория «В»: нейтральные эмоции. Размышления, созерцание, сосредоточенность. Рекомендуемая дозировка: не более 20 минут, возможна потеря интереса объекта. Категория «С»: отрицательные эмоции. Печаль, тоска, страх. Применять только в исследовательских целях, строго под наблюдением.

– А где про любовь? – спросила Варвара Прокопьевна.

– Про что? – не понял Громов.

– Про любовь, – повторила старушка. – Вы вчера видели, как он реагировал на мой мёд. Это же не просто ностальгия была. Это любовь. К бабушке, к дому, к памяти.

Громов замер, ручка зависла над бумагой.

– Любовь... – медленно проговорил он. – Это не эмоция. Это... сложное чувство. Многокомпонентное.

– А вы не усложняйте, – посоветовала Варвара Прокопьевна. – Любовь – она и есть любовь. Не надо её на подкатегории делить. А то, пока разберёшь, что там за подкатегория, сущность с голоду помрёт.

– Сущности не умирают с голоду, – возразил Громов. – Они... угасают.

– Тем более, – кивнула старушка.

Августа посмотрела на «Самоварчика». Свечение его было ровным, но она готова была поклясться, что сущность веселится. Над ними. Над этим дурацким ГОСТом, над таблицами, над попытками измерить неизмеримое.

«Самоварчик» как будто ждал – что дальше? Чем ещё его удивят эти странные люди, которые пытаются накормить его документами?

– Хорошо, – сказала Августа, чувствуя, что если она сейчас не вмешается, то Громов начнёт классифицировать поцелуи по шкале от одного до десяти, – давайте попробуем так. Мы составим меню. На неделю. Каждый день – новая эмоция. Записываем реакцию. Потом анализируем.

- Системно. – одобрительно кивнул Громов.
- Вкусно. – добавила Варвара Прокопьевна.
- Научно. – вздохнула Жоржетта, которая уже открывала новый файл в планшете.
- Странно. – закончил Радаслав, не отрываясь от рисунка.

Августа посмотрела на своего сына. Он рисовал «Самоварчика». Но не так, как видела она – золотистое пятно в углу. Он рисовал его как... как живое существо. С глазами. С руками. С улыбкой.

- Это он так видит? – тихо спросила Августюша у Радаслава.
- Не знаю, – мальчик пожал плечами. – Я просто рисую, как чувствую. Он добрый, мам. Правда. Он не хочет нам зла.
- А чего он хочет? – спросила Августюша, чувствуя, что ответ может изменить всё.
- Он хочет, чтобы его поняли, – просто сказал Радаслав. – Как все.

В комнате повисла тишина. «Самоварчик» в углу пульсировал ровно, тепло, уютно.

– Значит так! – решительно объявила Варвара Прокопьевна, вставая. – Первым пунктом нашего меню будет «Бабушкины пироги с капустой». Это категория «Ностальгия плюс Любовь». Готовить буду я. Память свежая, только вчера вспоминала.

- А дозировка? – спросил Громов, всё ещё с ручкой наготове.
- Дозировка?! – Варвара Прокопьевна посмотрела на него с материнской строгостью,
- ... будет такой: сколько съест. А если не наестся – добавку дадим. Вы же своих солдат по расписанию не кормите? Когда надо, тогда и кормите.

Громов хотел возразить, но вспомнил, что солдат действительно кормят по расписанию, и это расписание – святое. Но с другой стороны, сущность – не солдат. Или солдат? Метафизический солдат? Он задумался и записал в папке:

«Пункт 4. Объём кормления определяется объектом. Добавка – по требованию».

- Прогресс! – прокомментировала Жоржетта.
- Эволюция! – поправил Радаслав.
- Бюрократия! – вздохнула Августа.
- Жизнь! – подвела итог Варвара Прокопьевна и полезла в свою бездонную сумку за новым пучком трав.

А в углу мягко засветился «Самоварчик». Казалось, он одобрял. Или смеялся. С этим ГОСТом на эмоции нужно было ещё разбираться.

Но это уже будет завтра.

Глава 4. Разговор без слов

На четвёртый день эксперимента Августа поняла две вещи. Первая: её сын общается с метафизической сущностью эффективнее, чем весь коллектив учёных, военных и бабушек вместе взятых. Вторая: она сама начинает видеть то, чего видеть не должна, и это пугает её куда сильнее, чем золотистое пятно в углу бункера.

Всё началось с утреннего «кормления» по новому расписанию. Варвара Прокопьевна принесла свежее испечённые пирожки с капустой – пахло так, что даже Громов, который к тому моменту уже тридцать лет не ел ничего домашнего с названием «от бабушки», нервно сглотнул и поправил воротничок.

Августа украдкой посмотрела на Громовых. Ерофей Петрович был, как всегда, собран, подтянут и полностью поглощён своей таблицей категорий. А вот Жоржетта, его жена, украдкой смотрела в телефон на заставку с фото их годовалого сынишки Ефимушки, которого из-за этой почти что круглосуточной вахты в бункере она видела в основном через экран, оставляя на нянь. Августюша с нежностью подумала о Ксенофонте, своем супруге, который, в отличие от Громова, вряд ли составил бы ГОСТ по кормлению аномалии, а просто принёс бы самовар и начал с ней разговаривать по-дружески, но мы все – славу богу – разные, и всем надо – разное. Радаслав, её тринадцатилетний сын, наблюдал за этой картиной взрослой суеты с тихим пониманием, которое в нём прорезалось вместе с даром. Интересная такая вот двойная коллаборация: первая – коллаборация состава их волшебной семьи, вторая – коллаборация волнений и дара куверганта.

– Категория «А», подкатегория «Ностальгия плюс Любовь», – объявил он, сверяясь с папкой. – Приступайте.

Августа подошла к «Самоварчику» с пирожком на тарелке. Сущность мягко замерцала, но реакции не последовало. Пирожок остался лежать нетронутым. Свечение не изменилось.

– Может, не нравится? – предположила Жоржетта, поправляя очки.

– Не может быть?! – обиделась Варвара Прокопьевна. – Это пирожки по рецепту моей прабабки. Они даже покойников поднимали.

– А сущностей? – уточнил Громов.

– А сущностей тем более! – твёрдо ответила старушка.

«Самоварчик» молчал. Точнее, не молчал – он светился ровным золотым светом, но в этом свечении не было ни голода, ни интереса. Было что-то вроде... ожидания.

И тут Радаслав, который всё это время сидел в углу и рисовал (недаром же окончил уже 4 года художественной школы «Волшебный крандаш»), поднял голову.

– Он не хочет пирожок. – сказал мальчик просто. – Он хочет, чтобы мама рассказала, как пахло у бабушки в деревне.

Августюш замерла.

– Откуда ты...

– Он показывает ... – Радаслав пожал плечами. – Он не словами показывает. Он... как будто картинки в голову кладёт.

– Какие картинки? – голос Августы сел.

– Дом. Старый. Дощатый пол. Печка. Запах молока и яблок, – Радаслав зажмурился, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя. – И ты маленькая. Сидишь на лавке. Дед тебе яблоко даёт.

У Августы подкосились ноги. Она села на ближайший стул, чувствуя, как мир вокруг становится зыбким, как желе.

– Я никогда тебе не рассказывала про деда, – прошептала она. – Ты не мог знать.

– Он показал ... – повторил Радаслав. – Он хочет, чтобы ты вспомнила. Тогда ему станет теплее.

– Так! – вмешался Громов, который чувствовал себя уверенно только в ситуациях, поддающихся классификации, – это что, телепатия? Передача информации от не-сущего субъекта ребёнку? Надо записать.

– Записывайте. – машинально сказала Августа, чувствуя, как в груди разрастается странное тепло, не имеющее отношения к физике.

Она закрыла глаза и вспомнила. Дед Петро, бабушка Катюша. Веранда. Яблоневый сад за окном. Пыльные лучи солнца, пробивающиеся сквозь занавески. И она, маленькая, с книжкой на коленях, и дед напротив, читает газету, и пахнет яблоками, и тихо, и хорошо, и весь мир – в этой комнате, и ничего больше не нужно.

«Самоварчик» полыхнул. Ярko. Тепло. Так, что даже лампочки в бункере мигнули.

– Ест, – констатировала Варвара Прокопьевна с удовлетворением. – С аппетитом ест.

– Ничего не ест. – возразил Громов, глядя на нетронутый пирожок. – Никаких изменений материальной базы не наблюдается.

– А вы не на материальную базу смотрите. – посоветовала старушка. – Вы на душу смотрите.

Громов хотел возразить, что душа не является единицей измерения, но вовремя прикусил язык – за три дня работы с сущностью он усвоил, что некоторые законы лучше не проверять на прочность.

Тем временем «Самоварчик» продолжал светиться. Августа открыла глаза и увидела... странное. В углу, где обычно висело золотистое марево, проступили контуры. Смазанные, нечёткие, но контуры. Будто кто-то набросал карандашом рисунок поверх воздуха.

– Вы это видите? – шёпотом спросила она.

– Что именно? – не поняла Жоржетта.

– Контуры. Там. Как будто... – Августа замолчала, подбирая слова. – Как будто он пытается принять форму.

Все усталились в угол. Громов протёр очки. Жоржетта прищурилась. Варвара Прокопьевна перекрестилась по старой памяти.

– Я ничего не вижу ... – сказал Громов. – Обычное свечение.

– И я, – подтвердила Жоржетта.

– А я вижу, – неожиданно сказал Радаслав. – Только не то, что мама. Я вижу лицо. Старое. С бородой. Доброе.

– Домовой! – выдохнула Варвара Прокопьевна. – Истинный домовый.

Августа смотрела на контуры и чувствовала, как что-то в её сознании смещается, перестраивается, открывает новые двери. Мир вокруг стал тоньше. Она видела не просто стены бункера – она видела их структуру, слои бетона, арматуру внутри, и сквозь них – пульсирующую паутину чего-то, что было старше бетона, старше бункера, старше всего, что построили люди.

– Мам, – голос Радаслава донёлся как сквозь вату, – у тебя кровь из носа пошла.

Августа машинально провела рукой по лицу. Пальцы стали красными. И в этот момент она поняла, что видит ещё кое-что – «швы». Тонкие линии, расходящиеся по всему помещению, как трещины на старом фарфоре. Швы реальности. Места, где мир сшит из разных кусков, и эта сшивка видна, если знать, куда смотреть.

– Я, кажется, вижу то, чего нет на самом деле. Или етьс?! – спокойно сказала Августа и потеряла сознание.

Очнулась она на диване в комнате отдыха. Над ней склонились три лица: встревоженное Радаслава, озабоченное Варвары Прокопьевны и испуганное Жоржетты. Громов стоял в дверях с аптечкой в руках, напоминая памятник «Неизвестному санитару».

– Что случилось? – спросила Августа, чувствуя, что в носу ватный тампон.

– Августюша, ты упала в обморок, – доложил Громов. – Предположительно, от перенапряжения нервной системы.

– Я видела «швы», если можно так выразиться – сказала Августа. – Швы реальности.

Громов замер. Жоржетта открыла рот и забыла его закрыть. Варвара Прокопьевна одобритительно кивнула, как будто слышала, что внучка закончила музыкальную школу.

– Это опять то самое? – осторожно спросил Громов. – Которое мы не можем зафиксировать приборами?

– Которое вы не можете зафиксировать приборами, – подтвердила Августа. – Но оно есть. Я видела. Комната собрана из кусков. Как лоскутное одеяло. И «Самоварчик» сидит на одном из швов.

– На стыке реальностей, – благоговейно прошептала Жоржетта. – Это же... это же...

– Страшно! – закончила за неё Августа. – Это страшно. Потому что если реальность – это одеяло, то кто его сшил? И что будет, если шов разойдётся?

В комнате повисла тишина.

– Мам, – тихо сказал Радаслав, – а «Самоварчик» говорит, что не надо бояться. Он говорит, что «швы» – это не страшно. Это просто... границы.

– Границы чего? – спросила Августа.

– Не знаю, – мальчик пожал плечами. – Он говорит, что ты сама поймёшь. Когда привыкнешь смотреть.

Августа закрыла глаза. Под веками всё ещё плавали очертания «швов» – тонкие линии, дрожащие на грани восприятия. Она чувствовала, что с этого момента её жизнь разделилась на «до» и «после». До того, как она увидела, как устроен мир на самом деле. И после.

– Знаете, – сказала она, открывая глаза, – когда я соглашалась на эту работу, я думала, что самое страшное – это бумажная волокита и отчёты.

– А оказалось? – спросила Варвара Прокопьевна.

– А оказалось, что самое страшное – это когда твой собственный мозг начинает видеть то, чего быть не должно. И при этом ты понимаешь, что это реально. Невидимый мир становится видимым, частично...

– Добро пожаловать, моя хорошая, в клуб! – усмехнулась старушка. – Мы тут все такие. Кто домового в щели нашёл, кто «швы» реальности видит. Главное – чай пить вовремя и пирожками не объедаться.

Громов хотел сказать, что «швы» реальности не являются предметом научного исследования, но вместо этого записал в папке: «Пункт 5. Объект обладает способностью модифицировать восприятие реальности у лиц, находящихся в зоне прямого контакта. Рекомендуется: дальнейшее наблюдение и спокойный режим».

– Спокойный режим. – повторил он вслух. – Это важно.

– Важнее некуда. – согласилась Августа, чувствуя, как в голове медленно утихает звон, а мир возвращается к своим привычным очертаниям.

Из угла донёлся мягкий, тёплый свет. «Самоварчик» одобритительно мерцал. Казалось, он был доволен, что кто-то наконец увидел то, что видел он всегда – тонкую ткань реальности, в которой все мы существуем, как мухи в янтаре, считая, что янтарь – это и есть весь мир.

И где-то на краю сознания Августа услышала не слова, но чувство – одобрение. И улыбку. Безгубую, безликую, но тёплую.

– Он улыбается! – сказал Радаслав.

– Значит, всё правильно, – ответила Варвара Прокопьевна и протянула Августе кружку с чаем.

Пирожок с капустой так и остался лежать нетронутым. Но это было уже неважно. Важно было то, что «Самоварчик» проявил часть невидимого мира для Августюши.

Глава 5. Метод кнута и пряника

На пятый день эксперимента Августа проснулась с ощущением, что её черепную коробку накануне посетили строители и забыли там часть инструментов. Голова гудела, перед глазами всё ещё плавали бледные очертания «швов», а в носу противно зудело – видимо, ватный тампон оставил память о себе.

– Доброе утро, мам, – Радаслав сидел на краю кровати и смотрел на неё с выражением, которое обычно бывает у сорокалетних профессоров, обнаруживших опечатку в диссертации. – «Самоварчик» всю ночь не спал.

– Сущности не спят, – автоматически ответила Августа, пытаясь вспомнить, кто это сказал. Кажется, Жоржетта. Или Громов. Или инструкция по эксплуатации бункера, которую ей вручили в первый день вместе с пропуском и ключами от сейфа.

Рядом в соседней комнате заворочались, там находились Громовы. Жоржетта уже не спала, а листала в телефоне свежие фотографии Ефимушки – их полуторагодовалого сына, который остался по началу дома с няней Екатериной Семёновной, а теперь с ними и няней, потому что вахта в бункере с «Самоварчиком» – была почти что круглосуточной. Августа знала, как Жоржетта переживает разлуку: каждое утро та подолгу смотрела на экран, где Ефимушка тянул ручки к маме, а она лишь гладила стекло пальцами и вздыхала. «Вся в работе, а сердце там, с Ефимушкой», – думала Августа, вспоминая своего Ксенофонта, который сейчас, наверное, возится с котлами на электростанции и шлёт ей смешные стикеры в мессенджер.

– Он не спал, потому что думал, – возразил мальчик. – Он размышлял о тебе.

– Обо мне? – Августа села, чувствуя, как хрустят позвонки. В сорок один год спать на армейском диване – сомнительное удовольствие. – И что же он обо мне думал?

– Что ты видишь неправильно. Ты смотришь на швы, как будто это трещины. А это... – Радаслав замолчал, подбирая слова. – Это как стёкла в витраже. Они соединяют разные куски, но, если убрать оправу, всё рассыплется.

Августа моргнула. В голове что-то щёлкнуло, и она вдруг поняла, что сын прав. «Швы» – не повреждения. «Швы» – это то, что держит мир в целости. Как нитки в одеяле. Без них – дыра.

– Ты у меня гений! – сказала она.

– Нет?! – серьёзно ответил Радаслав. – Просто я слушаю.

– Слушаешь?

– Его. Он же говорит всё время. Просто вы привыкли слушать ушами.

Августа посмотрела на сына с новым чувством. Почти с благоговением.

– Ладно, – сказала она, вставая. – Пошли завтракать. А потом будем учиться слушать правильно.

В столовой царил атмосфера военного совета. Громов сидел во главе стола, разложив перед собой папки, схемы и – что было новым – детские рисунки. Варвара Прокопьевна колдовала над плитой, Жоржетта нервно перекладывала бумаги с места на место.

– Явка обязательна! – объявил Громов, увидев Августу. – У нас проблема. Вернее, проблема у нас была всегда, но теперь она обрела имя, отчество и размер обуви.

– В каком смысле? – Августа взяла кружку с чаем и села на против.

– В прямом, – Громов развернул один из рисунков. Это был набросок, сделанный Радаславом накануне. На нём был изображён бункер – но не обычный, а прозрачный, со всех сторон пронизанный тонкими линиями. В центре сидел «Самоварчик» – круглое золотистое пятно. И вокруг него – несколько фигур.

– Кто это? – спросила Августа, разглядывая фигуры.

– Мы, – ответил Громов. – Только в рентгеновском спектре. Радаслав, объясни.

– Я просто нарисовал, что вижу, – мальчик пожал плечами. – Вы все светитесь. По-разному. Мама – зелёным, когда волнуется. Вы, Громов, – синим, когда думаете. А Варвара Прокопьевна – красным, как печка.

– Это аура, – благоговейно сказала Жоржетта. – Он видит ауру. И сущность он видит, как... как сгусток энергии, расположенный на пересечении силовых линий пространства.

– А я вижу просто пятно! – с досадой сказала Августа.

– Ты видишь «швы», – поправил Радаслав. – Это другое. Ты видишь конструкцию. А я вижу, кто внутри.

– Ксенофонт бы сказал, что мы с тобой два разных прибора, – усмехнулась Августа, вспомнив супруга-инженера. – Один измеряет напряжение, другой – силу тока. А вместе цепь замыкают. – Она осеклась, заметив, как Жоржетта вновь уткнулась в телефон. На экране мелькнул курносый Ефимушка, за ней – смущённый Громов, который, видимо, тоже скучал по сыну. – Как у вас с няней? – тихо спросила Августа.

– Нормально, – Жоржетта убрала телефон и поправила очки чересчур бодрым жестом. – Ефим привыкает. Ерофей Петрович на подхвате, когда вырывается из штаба. Только я почти не вижу, как он растёт. Каждый день новая улыбка – а я её в экране ловлю.

В углу «Самоварчик» мягко дрогнул, словно разделяя её тоску.

Августа помолчала, переваривая информацию. Потом подошла к плите, где Варвара Прокопьевна жарила блины.

– Варвара Прокопьевна, – тихо сказала она. – А вы когда-нибудь видели домовых?

Старушка замерла с лопаткой в руке. Потом медленно обернулась.

– А ты думаешь, почему меня сюда позвали? – спросила она. – Не потому, что я хорошо пирожки пеку. Хотя пеку я хорошо, это факт. А потому, что я их видела. И не раз.

– И какие они?

– Разные, – Варвара Прокопьевна перевернула блин. – Есть домовые-хозяйственники. Они любят порядок. Если в доме чистота – они довольны, если бардак – могут и пошуметь. Есть домовые-защитники. Они оберегают дом от беды. Чувствуют, когда кто-то с плохими мыслями приходит. А есть... – она замолчала.

– Какие? – не удержалась Августа.

– Подвальные. Те, что в подвалах живут и в щелях. Они не всегда добрые. Скорее, равнодушные. Им всё равно, что происходит наверху. Они просто есть. И если их потревожить... могут и разозлиться.

– А наш?

– Наш не подвальный, – твёрдо сказала Варвара Прокопьевна. – Наш – защитник. Я сразу поняла. Он же нас уже оберегает. Иначе почему ни одна система в бункере не сбоит? Почему

у всех, кто здесь работает, давление в норме и настроение хорошее? Кроме тех случаев, когда учёные из Москвы приезжают, но это уже не он – это люди.

Августа задумалась. Действительно – за всё время работы с «Самоварчиком» никто не заболел, не поссорился, даже Громов стал реже употреблять военные термины. А вчера, когда она упала в обморок, её накрыли пледом, который взялся неизвестно откуда – в комнате отдыха таких не было.

– Он заботится!? – сказала она вслух.

– А то, – кивнула старушка. – Он же домовой. А домовой – это душа дома. Если дом есть – есть и душа. А если душа есть – она хочет, чтобы в доме было хорошо.

Августа посмотрела на золотистое марево в соседней комнате. «Самоварчик» мирно пульсировал, и в его свечении ей почудилось что-то знакомое. Что-то, похожее на улыбку.

– Ладно, – сказала она, решительно вставая. – Хватит гадать. Будем проверять.

– Что проверять? – насторожился Громов.

– Гипотезу, – ответила Августа. – Если он – домовой, значит, он реагирует на чувства. А если реагирует на чувства – значит, их нужно выражать правильно. Не как на кормёжке, а как... как в гостях у бабушки.

– Предлагаете сделать из бункера коммуналку? – скептически поинтересовался Громов.

– Нет! – улыбнулась Августа. – Предлагаю провести эксперимент. Чисто научный. Мы будем... разговаривать с ним. По-человечески. Не отчёты читать, не показания снимать. А просто говорить.

– О чём? – спросила Жоржетта.

– О жизни. – ответила Августа. – О погоде. О том, что нас волнует. О всём, что приходит в голову. Главное – искренне.

Громов хотел возразить, что это ненаучно, вовсе не системно и собственно пахнет шаманством. Но вспомнил вчерашний обморок Августы, рисунки Радаслава и нетронутый пирожок, который так никто и не съел.

– Хорошо, – сказал он. – Но с одним условием: всё записываем. Каждую минуту. Каждое слово. Анализ потом будет.

– Договорились, – кивнула Августа.

Она подошла к «Самоварчику». Села на пол, скрестив ноги. Рядом пристроился Радаслав. Немного поодаль встали Громов с папкой, Жоржетта с диктофоном и Варвара Прокопьевна с блинчиками на тарелке – на всякий случай.

– Привет, – сказала Августа, глядя на золотистое свечение. – Меня зовут Августа. Это Радаслав. А это наши коллеги. Мы не знаем, кто ты и откуда взялся. Но мы знаем, что ты есть. И мы хотим с тобой дружить.

«Самоварчик» мигнул. Один. Два. Три раза подряд – как будто кивнул.

– Ему нравится – сказал Радаслав. – Он говорит, что тоже хочет дружить. Только не знает, как. Потому что он никогда не дружил с людьми.

– С кем же он дружил раньше? – спросила Августа.

Мальчик закрыл глаза, прислушиваясь. Потом открыл.

– Он говорит, что раньше он был... частью дома. Просто дома. Не людьми, а домом. Дома не дружат. Дома просто стоят.

– А теперь?

– А теперь он хочет научиться.

Августа почувствовала, как по спине пробежал холодок. Не от страха – от осознания. Перед ней сидела не просто сущность. Перед ней был кто-то, кто впервые за своё существование захотел контакта. По-настоящему. Не потому, что его заставили, не потому, что так надо, а потому что решил сам.

– Ну что ж?! – сказала она, протягивая руку к свечению. – Давай учиться вместе.

«Самоварчик» полыхнул теплом. Таким сильным, что Августа на мгновение забыла, где находится. Ей показалось, что она стоит на веранде старого деревенского дома, пахнет яблоками и сеном, а солнце садится за горизонт. И кто-то рядом – невидимый, но родной – говорит ей: «Не бойся. Все хорошо. Мы в безопасности. Я здесь».

Она открыла глаза. В руке у неё оказалось яблоко. Зелёное, свежее, с капельками росы на боку.

– Где... – начала она.

– Он тебе дал?! – сказал Радаслав. – Это подарок.

Варвара Прокопьевна перекрестилась. Жоржетта забыла нажать кнопку на диктофоне. Громов медленно опустил папку и сказал единственное, что мог сказать в такой ситуации:

– Этого не может быть. Мы в бункере на глубине пятнадцати метров. Яблоки здесь не растут.

– Значит, теперь растут, – ответила Августа и откусила кусочек.

Яблоко было сладким. И пахло домом. Настоящим домом – тем, которого у неё не было уже много лет.

«Самоварчик» довольно засветился. А Радаслав улыбнулся и сказал:

– Он говорит, что это только начало.

И все почему-то поверили.

Августа погладила яблоко и вдруг представила, как расскажет об этом вечером Ксенофону. Как он рассмеётся – сначала недоверчиво, а потом с той тёплой хрипотцой, от которой у неё до сих пор подкашиваются колени. А потом, когда она пришлёт фото яблока, скажет: «Ну вот, теперь у тебя и яблоня подземная завелась. Скоро будем сидр варить прямо в бункере». И от этой мысли на душе стало легко.

Рядом Жоржетта, спрятав телефон в карман халата, подошла ближе к свечению и вдруг, стеснясь, прошептала:

– А ты можешь... показать мне Ефимушку? Просто чтобы я знала, что у него всё хорошо, пока меня нет...

«Самоварчик» не ответил словами, но золотистый свет мягко обвил её плечи, и Жоржетта, всхлипнув, закрыла глаза. Сквозь её слёзы проступила улыбка – самая искренняя за эту неделю.

Громов крякнул, на мгновение утратив военную выправку, и положил ладонь жене на плечо. Августа увидела, как он сжал руку чуть крепче, чем обычно. Даже генералы умеют быть нежными, когда никто не смотрит.

Глава 6. Невербалика для начинающих домоводов

С того самого момента, как в руке Августы оказалось яблоко, выращенное без участия почвы, солнца и здравого смысла, в бункере наступила эпоха, которую Громов впоследствии назвал «Периодом методического помешательства». Хотя, строго говоря, помешательство началось раньше – когда кто-то додумался кормить неведомую сущность печеньем «Юбилейное», но в преysкуранте военных расходов такая графа не предусматривалась.

Громов, Ерофей Петрович, супруг её подруги Жоржетты, высокий, сутулый, с вечно взъерошенными волосами и блокнотом под мышкой, он уже давно перестал быть просто начальником проекта, превратившись в домашнее прозвище «наш генерал от метафизики». Жоржетта, хоть и носила фамилию мужа, в душе оставалась всё той же девчонкой, с которой Августюша когда-то делила сначала стул в детском саду возле окна, а потом и парту в школе. Громов искренне считал себя главным скептиком, но стоило Жоржете шепнуть ему на ухо новую гипотезу – и он уже стоял с банкой печенья перед «Самоварчиком» или чертил схемы на обоях.

Наутро шестого дня Августа проснулась с ощущением, что за ней наблюдают. Не то чтобы кто-то стоял рядом и дышал в затылок – просто мир вокруг стал чуточку более... внимательным. Лампочка мерцала ровно тогда, когда Августа моргала. Вода в кране текла с лёгким акцентом, как будто извинялась, что не чай. Даже собственное отражение в зеркале слегка запаздывало за движениями – на долю секунды, но достаточно, чтобы заметить, если ты не слеп, как крот, и не занят подсчётом государственных дотаций.

– Мам, – Радаслав сидел на диване, скрестив ноги, и смотрел на стену. – Он просит, чтобы ты не боялась.

– Я не боюсь, – автоматически ответила Августа, с ужасом понимая, что врёт. Боялась она. И не просто боялась – боялась так, что поджилки тряслись ритмичнее, чем метроном у Громова на совещаниях.

– Ты боишься, – спокойно возразил мальчик. – Но это нормально. Он говорит, что первые несколько тысяч лет он тоже всего боялся. А потом привык.

– Он что, помнит несколько тысяч лет? – Августа поперхнулась чаем.

– Нет. Он чувствует. Время – это же не линия, говорит он, а слоёный пирог. Просто люди видят только один слой.

Августа поставила кружку. У неё появилось стойкое ощущение, что её собственный сын только что процитировал буддийского монаха, которого подселили в тело 13-летнего мальчика, и это уже не мальчик, а мужчина – с отцовской хмуростью и материнской тягой к непонятному. Но, с другой стороны, когда твоя жизнь превращается в иллюстрированное пособие «Как не надо обращаться с метафизическими сущностями», удивляться чему-либо становится делом неблагодарным.

Ксенофонт, её супруг и главный инженер проекта бункер, сейчас торчал где-то в соседнем отсеке, возясь с системой вентиляции. «Дышать должно быть вкусно», – говорил он, меняя фильтры, и Августа каждый раз мысленно улыбалась этой странной формулировке. Она подумала: хорошо бы сейчас, как раньше, заглянуть к нему в мастерскую, обнять, уткнуться носом в пропахшее мазутом плечо. Но делать нечего – с сущностями разбираться ей, а с приборами – ему.

– Ладно, – сказала она, решительно выдыхая. – Раз он такой умный, пусть научит меня видеть то, что видишь ты.

Радаслав нахмурился. Закрыл глаза. Открыл.

– Он говорит, что этому нельзя научить. Это можно только почувствовать. Как учить рыбу летать – бесполезно, если рыба не хочет становиться птицей.

– Я не рыба, – обиделась Августа.

– Ты человек, – серьёзно сказал мальчик. – Это почти то же самое. Люди не умеют видеть то, что не хотят видеть. А хотят они только то, что понимают. Ты не понимаешь «Самоварчика», поэтому не видишь его настоящим.

– Я его вижу! – возразила Августа. – Вон он, сияет в углу, как новогодняя гирлянда.

– Ты видишь его свечение, – терпеливо объяснил Радаслав. – А я вижу его самого. Это как разница между фотографией человека и самим человеком. Фотография – это просто отпечаток. А человек – это... он.

Августа задумалась. Вспомнила, как вчера, разглядывая «швы» реальности, она видела не просто полосы – она видела, как мир склеен кусками. Как будто кто-то собрал пазл, но не стал закрашивать швы. И вот теперь, глядя на «Самоварчика», она поняла, что видит не сущность, а её проекцию. Как тень на стене.

– А если я закрою глаза? – спросила она.

– Попробуй.

Августа закрыла глаза. Сначала – темнота. Потом – лёгкое покалывание в висках. Потом – ощущение, что перед ней кто-то есть. Не просто «кто-то» – а *кто-то конкретный*. С характером. С настроением. С историей.

– Привет, – сказала она мысленно.

И – о, чудо – ей ответили. Не словами. Скорее, образами. Тёплый дом. Запах блинов. Детский смех. И что-то ещё – что-то древнее, дремучее, как лес, где под каждой корягой прячется сказка.

Августа открыла глаза и обнаружила, что стоит посреди комнаты, а вокруг неё выстроились все участники эксперимента. Варвара Прокопьевна держала скалку наизготовку. Громов пытался нашарить кобуру, но кобура была пуста – пистолет лежал дома, в тумбочке, и мирно ждал, когда его переквалифицируют в сувенир. Жоржетта вздохнула, оторвалась от приборов и поправила наушники, но одновременно с этим покосилась на планшет: там, в папке «Ефим. детство», лежало свежее фото их сына. (Жоржетта, вся в работе, на миг почувствовала, как редкие вечера, когда она сама читает сыну сказку, становятся драгоценнее любых научных открытий.) Жоржетта уверенно продолжила, волнительно записывая показания приборов, которые внезапно сошли с ума и показывали температуру, влажность и давление, будто находились на берегу моря, а не в бункере на глубине пятнадцати метров.

– Августюша, ты в порядке? – спросил Громов голосом человека, который уже устал удивляться, но профессия обязывает.

– В полном, – ответила Августа. – Я только что поговорила с домовым. Он сказал, что у нас сегодня будет хорошая погода.

– Откуда он знает?

– Он её сделает.

В комнате повисла пауза. Потом «Самоварчик» засветился ярче, и в воздухе запахло свежескошенной травой. Через мгновение – буквально из ниоткуда – в углу материализовался одуванчик. Настоящий, с пушистой головкой, готовый разлететься от любого дуновения.

– Я... – начал Громов.

– Не надо, – перебила Варвара Прокопьевна. – Не надо ничего говорить. Просто примите как факт. Мы теперь живём в мире, где сущность из щели выращивает цветы под землёй. Если это не чудо, то я – английская королева.

– Вы – Варвара Прокопьевна! – напомнил Громов.

– Вот именно. Английская королева так печь блины не умеет. Так что я знаю, о чём говорю.

Августа подошла к одуванчику. Наклонилась. Подула. Пушинки взлетели в воздух и, покружившись, исчезли, оставив после себя лёгкий аромат лета.

– Знаешь, – сказала она, обращаясь к золотистому свечению. – А ты, оказывается, романтик.

«Самоварчик» мигнул три раза подряд.

– Он говорит, что да, – перевёл Радаслав. – Но просил никому не рассказывать. А то репутация пострадает.

– Какая репутация? – удивилась Августа.

– Домового, который, по вашему пониманию, шкафы двигает и посуду бьёт, – серьёзно ответил мальчик. – Он говорит, что в его кругу это считается солидно.

Громов открыл рот, закрыл, потом достал блокнот и написал: «Пункт 5.2.14: Сущность имеет чувство юмора. Возможно, развитие. Возможно, старше человечества. Рекомендуется не шутить про печенье – обидчиво». Рядом с блокнотом, в нагрудном кармане, лежала мягкая фотография: Жоржетта с Ефимушкой на руках, и оба смеются. Громов мельком взглянул на неё и снова уткнулся в записи. Домашний уют и бункерные тайны переплелись так, что теперь без ежедневного звонка няне он не мог сосредоточиться на измерениях.

– Ладно, – сказала Августа, хлопая в ладоши. – Хватит философии. У нас график кормления, научные задачи и, если я не ошибаюсь, сегодня пятница. А по пятницам у нас – вареники.

Варвара Прокопьевна одобрительно крикнула. «Самоварчик» засветился ровным, уютным светом. А Радаслав – маленький, серьёзный, с глазами, которые видели больше, чем получается видеть 13-летнему мальчику – улыбнулся и сказал:

– Он согласен.

И на том порешили.

Августа ещё долго стояла у одуванчика, размышляя о том, что мир, оказывается, гораздо сложнее, чем думают те, кто привык измерять всё в попугаях и километрах. Где-то наверху шёл дождь. Солдаты на посту мёрзли. А внизу, в бункере, под звуки шипящего масла и тихое свечение неведомой сущности, начиналось что-то новое.

Что-то, что нельзя было назвать иначе, чем – дом.

Глава 7. Прибытие апостолов от науки

Утро седьмого дня началось с того, что Громов лично побрился двумя лезвиями, надел парадный китель, который пылился в шкафу со времён последней инспекции из Генштаба, и построил личный состав в коридоре.

Жоржетта, его жена и бессменный научный сотрудник проекта, стояла чуть поодаль, поправляя очки и поглядывая на планшет – там, среди рабочих файлов, лежала свежая фотография их полуторагодовалого сына Ефимушки. Мальчишка остался наверху с няней, и Жоржетта уже мысленно составляла список дел на вечер: покормить, почитать сказку, уложить. Работа кипела, но материнское сердце тикало в такт домашним заботам. Ведь не важно, что этот дом в бункере, дом там – где твои родные и любимые люди...

– Товарищи! – объявил он голосом человека, готовящегося к расстрелу. – Сегодня к нам прибывает комиссия из Москвы. Академическая. Требования: не курить, не материться, не показывать сущность без специального разрешения.

– А если она сама покажется? – поинтересовалась Варвара Прокопьевна, вытирая руки о фартук.

– Тогда делать вид, что так и было запланировано, – мрачно ответил Громов. – У нас есть документы. Подписанные. Задним числом.

Августа, стоявшая в углу с кружкой остывшего чая, чувствовала себя так, будто её сейчас поведут на экзамен, к которому она не готовилась, но который нельзя провалить, потому что от него зависит жизнь – не её, конечно, а той золотистой штуки в углу, которая уже неделю питалась печеньем и тёплыми воспоминаниями.

Августа покосилась на дверь мастерской, откуда доносился привычный гул вентиляции. Ксенофонт, её муж, главный инженер проекта бункер, с утра возился с системой отопления и, судя по звукам, уже успел чем-то восхититься и чем-то возмутиться. Она улыбнулась про себя – даже в разгар кризиса Ксенофонт оставался человеком, который сначала чинит, а потом спрашивает, что случилось. Рядом с ним, уткнувшись в книгу, сидел Радаслав. Тринадцать лет, уже почти взрослый – но всё ещё её мальчик, с той же упрямой складкой между бровями, которую Августюша узнавала в зеркале каждое утро.

– А что они хотят? – спросила она.

– Сухих цифр, – вздохнул Громов. – Научных данных. Графиков. Диаграмм. Всего того, что наша сущность, – он покосился в угол, где «Самоварчик» мирно пульсировал, излучая лёгкое тепло, – принципиально не производит.

– Она производит одуванчики, – заметил Радаслав, не отрываясь от книги. – И запах блинов. Это разве не данные?

– Это, – Громов поморщился, – не-оцифровываемые феномены. Академики любят то, что можно потрогать, измерить и вставить в диссертацию. Одуванчик из ниоткуда – это хорошо для газетной заметки, но плохо для отчёта перед министерством.

Ровно в десять утра ворота бункера открылись, и внутрь вошла делегация, напоминающая похоронную процессию, только с портфелями вместо венков. Впереди шёл мужчина лет пятидесяти, с лицом человека, который никогда не улыбался, потому что считал улыбку непроизводительной тратой калорий. За ним – трое ассистентов, все в очках, с блокнотами и выражением лиц, которое ясно говорило: «Мы вам не верим, но нам за это платят».

– Профессор Звягинцев, – представился главный, не протягивая руки. – Руководитель экспертной группы по аномальным феноменам. Где объект?

– Вон, – махнул рукой Громов. – сияет, так говорят, те – кто видят его. Но видят его не все.

Профессор Звягинцев посмотрел в угол, где «Самоварчик» при виде гостей слегка потускнел – ровно настолько, чтобы стало понятно: он их не одобряет, но профессор ничего не заметил, лишь лёгкое, так сказать: вуаль прозрачного дрогнула – в его картине происходящего. Профессор его не видел, как и его ассистенты.

– Интересно, – сказал профессор тоном, каким обычно говорят «отвратительно». – Светится. А что ещё?

– Он... – начала Августа, но её перебил один из ассистентов:

– Зафиксировано электромагнитное излучение в диапазоне 0.3–0.7 микрон. Температура вокруг объекта на два градуса выше фона. Влажность – в норме. Никаких отклонений, кроме визуального.

– Визуальное – не отклонение, – отрезал Звягинцев. – Это может быть голограмма. Или проектор. Или коллективная галлюцинация. Мне нужны доказательства, что объект влияет на материальный мир.

– Он вырстил одуванчик! – сказал Радаслав.

Все посмотрели на мальчика. Потом на пол, где вчера был одуванчик. Одуванчика не было.

– Испарился, – констатировал ассистент с ноткой злорадства. – Как и предполагалось. Временная флуктуация.

– Он не испарился, – спокойно сказал Радаслав. – он просто ушёл. Ему здесь не понравилось.

– Кому? – уточнил профессор.

– Одуванчику.

Звягинцев посмотрел на Громова. Громов пожал плечами с выражением лица, которое означало: «Я тут собственно случайно, я просто военный».

За спиной Громова, незаметно выглядывая из-за приборов, Жоржетта делала пометки в журнале, одновременно отправляя быструю смс-ку няне: «Как Ефим? Ел? Спал? Целую». Ответ пришёл через секунду: «Всё хорошо. Съел кашу. Спит с мишкой. Ждёт маму». Жоржетта вздохнула и вернулась к наблюдению за комиссией, чувствуя, как где-то внутри теплится привычная смесь гордости за работу и тоски по сыну.

– Ладно, – сказал профессор, доставая из портфеля папку с гербовой печатью. – Проведём стандартные тесты. Замеры. Пробы. Через три дня я предоставлю заключение. Если объект – природная аномалия, мы заберём его в Москву для дальнейших исследований. Если – артефакт, опечатаем до выяснения обстоятельств.

– А если – домовый? – спросила Варвара Прокопьевна, скрестив руки на груди.

Профессор Звягинцев посмотрел на неё с выражением лица, которое ясно говорило: «Вы кто вообще?»

– Домовых, – сказал он ледяным тоном, – не существует. Есть неклассифицированные квантовые состояния материи.

– Ага, – кивнула Варвара Прокопьевна. – А печенье они тоже кушают в рамках квантового состояния?

– Что? – не понял профессор.

– Кормим мы его, – пояснила Варвара Прокопьевна. – Печеньем. «Юбилейное». На молоке. Иногда вареники.

Ассистенты переглянулись. Один из них быстро записал в блокноте: «Субъекты утверждают, что объект потребляет пищевые продукты. Вероятно, психосоматический эффект».

– Печенье, – повторил профессор медленно, как будто пробовал слово на вкус. – Вы кормите аномалию печеньем.

– А вы бы чем кормили? – огрызнулась Варвара Прокопьевна. – Борщом?

В этот момент «Самоварчик», до этого тихо мерцавший, вдруг резко вспыхнул. Свет стал ярче, воздух задрожал, и – совершенно внезапно – плафон на потолке начал медленно вращаться против часовой стрелки. Команда из Москвы увидела вращение плафона и дрожание воздуха.

– Что происходит? – спросил Звягинцев, пятясь к выходу.

– Он нервничает, – ответил Радаслав. – Вы ему не нравитесь.

– Аномалия не может нервничать, – возразил профессор, но голос его слегка дрогнул. – У аномалии нет нервной системы.

– А у домового есть, – парировал мальчик.

Плафон завертелся быстрее. Лампа замигала. С потолка посыпалась штукатурка – прямо на лысину профессора.

– Прекратите! – закричал он, отряхиваясь. – Это возмутительно! Я буду жаловаться!

– Кому? – поинтересовался Громов, с интересом наблюдая за происходящим. – У нас тут, знаете ли, режим секретности. Выше вас только звёзды и пара генералов из ГРУ.

Звягинцев открыл рот, закрыл, потом резко развернулся и вышел из бункера, бормоча что-то про «недостовверные данные» и «непрофессиональный подход».

Ассистенты побежали за ним, роняя блокноты.

Когда дверь захлопнулась, «Самоварчик» успокоился. Плафон перестал вращаться. Свет стал ровным. И из угла донёлся звук, подозрительно похожий на довольное урчание.

– Кажется, – сказала Августа, – он их выгнал.

– Ага, – кивнул Радаслав. – он сказал, что такие люди ему не нужны. Они слишком холодные. От них веет цифрами.

– А от нас? – спросила Варвара Прокопьевна.

Мальчик улыбнулся.

– От вас веет домом. Он это чувствует.

Громов вздохнул. Посмотрел на часы. Потом на бумаги, которые оставила комиссия.

– Значит, так, – сказал он решительно. – через три дня они вернутся. И нам нужно что-то им предъявить. Что-то, что нельзя будет объяснить голограммой или галлюцинацией.

– Например? – спросила Августа.

Громов задумался.

– Не знаю. Но если сущность правда всё понимает, может, она согласится на пару экспериментов? В конце концов, у неё же есть чувство юмора. Может, она сможет... ну, не знаю... материализовать что-нибудь стойкое? Например, табуретку?

– Табуретку? – переспросила Августа.

– Да. Табуретку. С ножками. Чтобы можно было поставить в кабинет и сказать: «Вот, товарищи академики, это вам подарок от аномалии. Садитесь».

– А она сядет? – с сомнением спросила Варвара Прокопьевна.

– Табуретка? – уточнил Громов.

– Аномалия.

Громов задумался.

– А чёрт его знает. Но попробовать стоит.

«Самоварчик» мигнул три раза. Потом ещё один.

– Он согласен, – перевёл Радаслав. – Но предупреждает: табуретка будет не простая.

– А какая? – насторожилась Августа.

– С секретом.

– Каким?

Мальчик пожал плечами.

– Не говорит. Говорит, что сюрприз должен быть сюрпризом. Иначе это уже не сюрприз, а отчёт.

Ксенофонт как раз вышел из мастерской к ним, вытирая руки ветошью. Услышав последние слова, он хмыкнул:

– Если сущность материализует табуретку, я лично отполирую её до блеска и поставлю в красный угол. А если ещё и чертежи набросает – вообще рай. Августа фыркнула, но в глазах её мелькнула знакомая теплота. Даже когда мир полнится необъяснимым, Ксенофонт оставался тем, кто переводит чудеса в разряд «надо только разобраться».

Августа посмотрела на Громова. Громов посмотрел на Варвару Прокопьевну. Варвара Прокопьевна поправила фартук и сказала:

– Ну что ж. Будет табуретка. Главное, чтобы не пиццала.

– А если будет? – поинтересовался Радаслав.

– Тогда хотя бы в такт, по музыкальному так что бы...

И все, кроме сущности, засмеялись. А «Самоварчик» засветился ровным, теплым светом – как настоящий домовый, который нашёл дом.

Глава 8. Эксперимент с последствиями

На следующее утро Громов явился в бункер с чертежами. Это были не просто чертежи – это были чертежи, распечатанные на гербовой бумаге, с грифом «Секретно» и подписью какого-то полковника, которого, по словам Громова, «пришлось убеждать тремя бутылками коньяка и обещанием личной аудиенции у сущности».

– Вот, – торжественно объявил генерал, разворачивая бумагу на столе. – Табуретка. Стандартная. Армейского образца. Согласно ГОСТ 11593-76.

Громов бросил быстрый взгляд в сторону, где за пультом управления сидела Жоржетта. Она уже разворачивала свой планшет, готовясь фиксировать данные, но на мгновение их взгляды встретились, и Громов чуть заметно улыбнулся. Жоржетта ответила коротким кивком – они понимали друг друга без слов, особенно когда дело касалось работы. Впрочем, сейчас её мысли, он знал, были не только о табуретке: о сыне, что с няней, их Ефимушка, и Жоржетта каждые полчаса украдкой проверяла телефон – не прислали ли новую фотографию. Материнство не отпускало её ни на минуту, даже когда она рассуждала о квантовых флуктуациях.

– Семьдесят шестого года? – удивилась Августа, разглядывая чертёж, где каждая ножка была выверена до миллиметра. – Она что, старше меня?

– Стандарт есть стандарт, – назидательно поднял палец Громов. – Табуретка должна быть устойчивой, надёжной и выдерживать нагрузку до ста пятидесяти килограммов. Это вам не какое-то там барокко.

Августа слушала Громова вполуха. Краем глаза она заметила, как из мастерской вышел Ксенофонт, и, не сказав ни слова, встал у неё за спиной, положив руку ей на плечо. Тёплая, надёжная ладонь – она узнала бы её из тысячи. *Как и на протяжении всех 23 лет вместе, когда (если собирался только) мир рушился, Ксенофонт точно так же молча вставал за её спиной. Теперь мир не рушился, а всего лишь пытался материализовать табуретку из ниоткуда – но привычка осталась. Августюша чуть подалась назад, чувствуя его плечо, и улыбнулась про себя: с этим человеком даже квантовые аномалии казались решаемой задачей.*

– А если она выдержит, ну, двести? – поинтересовался Радаслав, сидящий на полу и подкармливающий «Самоварчика» крошками от печенья. – Он же может.

Августа перевела взгляд на сына. Радаслав сидел на полу, скрестив ноги, и сосредоточенно крошил печенье, глядя на сущность с таким серьёзным выражением, какое бывает только у детей, которые уже поняли про жизнь чуть больше, чем следовало бы в их возрасте. Он был светловолосым, как она, но упрямую складку между бровями и манеру задумчиво хмыкать явно унаследовал от Ксенофонта. Августа поймала себя на мысли, что гордится им – и что уверена в нем, как и в себе самой. Особенно сейчас, когда «Самоварчик» начал пульсировать, словно прислушиваясь к словам мальчика.

Сущность согласно мигнула – раз, другой, третий, словно подмигивая.

– Двести не надо, – отрезал Громов. – Нам нужны верифицируемые параметры. Если табуретка выдержит сто пятьдесят – это научный факт. Если двести – это уже художественный свист.

Варвара Прокопьевна, которая всё это время молча стояла у плиты, помешивая что-то в кастрюле, обернулась:

– А может, не табуретку? Может, попросить его стол накрыть? У меня как раз борщ поспел. Представляете: комиссия приходит, а тут – скатерть-самобранка. Вот это я понимаю, результат.

– Борщ – не экспертный показатель, – вздохнул Громов. – Борщ можно сварить. А табуретку из воздуха – нельзя. Во всяком случае, я очень надеюсь, что нельзя.

Августа посмотрела в угол, где «Самоварчик» переливался золотистыми оттенками, словно раздумывая над предложением. Она смотрела на сущность и чувствовала – не умом, а всем своим существом. Это был тот самый дар, который она так и не научилась объяснять словами, но который ни разу её не подвёл. Августа была медиумом не в том смысле, в каком это слово любят в жёлтых газетах. Она просто чувствовала мир чуть тоньше других – слышала то, что не говорилось вслух, видела то, что пряталось за углами реальности. Именно поэтому она первой поняла, что «Самоварчик» не просто аномалия. Что он живой. Что у него есть душа – или что-то очень на неё похожее. И сейчас, глядя на его золотистое мерцание, она ощущала, как он колеблется: не потому, что не может, а потому, что боится ошибиться и разочаровать их.

– А ты как думаешь? – спросила она, обращаясь к сущности. – Справишься?

В комнате повисла тишина. Даже Варвара Прокопьевна перестала мешать борщ. Все установились на мерцающий сгусток света, который вдруг начал... пульсировать, который всё находящиеся в комнате, давно видели, не все сразу, постепенно, но уже давненько – все его видели... Он пульсировал. Медленно. Ритмично. Слово сердцебиение.

– Он думает, – сказал Радаслав. – Ему нужно время, чтобы понять, что такое табуретка. Он никогда её не видел.

– Как это – не видел? – опешил Громов. – Табуретка – это... ну, табуретка. На которой сидят.

– Он живёт в щели, – напомнил мальчик. – В щелях табуреток не бывает. Там только пыль и иногда монетки.

– Логично, – неожиданно согласилась Августа. – Для него табуретка – абстракция. Как для нас – пятое измерение.

– Я бы с пятым измерением не сидел, – проворчал Громов. – Спина заболит.

«Самоварчик» мигнул ярче. Потом ещё раз. И вдруг в центре комнаты начал формироваться силуэт. Сначала это было просто пятно – дрожащее, полупрозрачное, словно сгустившийся туман. Потом пятно обрело форму: четыре ножки, сиденье, спинка.

– Минуточку, – сказал Громов, вглядываясь. – А почему со спинкой? Я же просил табуретку. Табуретка – это без спинки. А это – стул.

– Он решил, что так удобнее, – пожал плечами Радаслав.

Стул материализовался полностью. Он был деревянным, тёплого медового оттенка, с резными ножками и мягким сиденьем, обтянутым тканью в цветочек. Самый обычный деревенский стул – из тех, что стоят на кухнях у бабушек, пахнут деревом и воспоминаниями.

– Очень мило, – оценила Варвара Прокопьевна. – Прямо как у моей тётки в Тамбове.

– Это не табуретка! – возмутился Громов. – Я просил табуретку! Армейского образца!

– Армейские табуретки неудобные!?! – сказал Радаслав. – Он считает, что вы заслуживаете удобства.

Громов открыл рот, закрыл, потом подошёл к стулу и осторожно сел. Стул не скрипнул. Не шатнулся. Он стоял твёрдо, как вкопанный, словно простоял здесь всю свою деревянную жизнь.

– Удобно, – признал генерал. – Чёрт возьми, очень удобно. Спина не болит. Даже настроение поднялось.

– Он ещё и настроение поднимает, – заметила Августа. – Целый стул, а не просто мебель.

Варвара Прокопьевна подошла, пощупала обивку, понюхала.

– Пахнет лаком и... – она замялась. – Ванилью. Стул пахнет ванилью.

– Может, он просто печенье ел, – предположил Громов, но без особой уверенности.

– А ты попробуй его сдвинуть, – предложил Радаслав.

Громов попытался сдвинуть стул. Стул не двигался. Он стоял так, будто его приклеили к полу. Генерал нажал сильнее – ноль реакции.

– Тяжёлый, – констатировал он. – Очень тяжёлый.

– Он не тяжёлый, – поправил мальчик. – Он решил, что будет стоять здесь. Пока кто-нибудь не попросит его подвинуться.

– А если я сейчас громко попрошу?

– Попробуйте.

Громов прокашлялся и сказал командным голосом:

– Стул! Ко мне!

Стул не сдвинулся.

– Он реагирует исключительно на вежливость, – пояснил Радаслав. – И на чувства. Если вы его попросите с любовью – он придёт.

Громов посмотрел на стул. Потом на Августу. Потом снова на стул.

– Я генерал Российской армии!!! – сказал он с достоинством. – Я не буду просить стул с любовью. Я лучше прикажу.

– Приказывайте, – пожал плечами мальчик.

Громов приказал. Стул не шевельнулся. Громов попросил. Стул не шевельнулся. Громов произнёс: «Пожалуйста, дорогой стульчик, будь так любезен, подойди ко мне» – и стул плавно, грациозно скользнул к нему по полу, остановившись ровно в тот момент, когда генерал уже собирался сесть, но передумал и чуть не рухнул на пол.

– Всё, – сказал он, выпрямляясь. – Я понял. У нас теперь живая мебель. Что дальше? Сапоги-скороходы?

– А что, хорошая идея, – задумчиво протянула Варвара Прокопьевна.

– Нет! – хором закричали Августа и Громов.

Громов обернулся к Жоржетте, и она, оторвавшись от планшета, коротко улыбнулась ему. Их связь была тоньше, ближе, острее всего на свете – они встретились ещё в академии, когда оба мечтали перевернуть науку, и с тех пор не расставались. Даже Ефимушка, появившийся около почти уже двух лет назад, не разлучил их, а только сделал команду крепче. Жоржетта, несмотря на недосып и вечный список дел, ни за что не променяла бы эту жизнь: работу, мужа, сына и странную, нелепую, но такую родную компанию людей, собравшихся вокруг светящегося чуда в углу. Она поймала взгляд Августы и подмигнула ей – подруги, они прошли через столько, что никакая аномалия не могла их напугать. Разве что заставить смеяться до слёз – и то в хорошем смысле. «Самоварчик» весело замигал, и в углу, рядом с его основным местом обитания, зацвел ещё один одуванчик. Маленький, пушистый, но на этот раз – в горшке. Которого до этого там не было.

– Горшок он тоже материализовал? – спросила Августа.

– Нет, – ответил Радаслав. – Горшок он взял из подсобки. Просто переместил.

– Украл?

– Позаимствовал.

Варвара Прокопьевна вздохнула и пошла доваривать борщ, бормоча под нос:

– Сначала табуретка, потом горшок. А через неделю он начнёт телевизор переключать без пульта. Вот тогда и поговорим о научных результатах.

А стул остался стоять посреди комнаты. Тёплый. Удобный. Ванильный.

И где-то там, в щелях реальности, «Самоварчик» впервые за своё существование почувствовал, что его поняли. И что он может ответить тем же.

Августа подошла к стулу и провела рукой по тёплой, гладкой поверхности. Она чувствовала – стул был доволен. Так же, как была довольна вся их небольшая, нелепая, но невероятно родная команда. За спиной Ксенофонт уже обсуждал с Громовым, сколько веса выдержит новая конструкция, Варвара Прокопьевна звала всех пробовать борщ, а Радаслав сидел на полу и шептался с «Самоварчиком» на языке, который понимали только они двое. Жоржетта, отложив планшет, украдкой смотрела на экран телефона – там, в свежем сообщении от няни, спал Ефимушка, раскинув руки и сжимая во сне плюшевого мишку. Августюша поймала её взгляд, и они обе улыбнулись – понимая, что настоящая магия не в одуванчиках и стульях. Настоящая магия была прямо здесь, в этой комнате, среди людей, которые стали друг другу больше чем семьёй.

Глава 9. Высокая комиссия

Они прибыли во вторник, ровно в 10:00, как и было запланировано. Три чёрных автомобиля, четыре человека в строгих костюмах и одна женщина в очках с такой толстой оправой, что создавалось впечатление, будто она смотрит на мир через иллюминатор подводной лодки.

– Профессор Знаменская, – представилась женщина, протягивая Августе руку с идеальным маникюром. – Доктор физико-математических наук. Специалист по аномальным полям.

– Августа Петровна, – ответила Августа, чувствуя, как её ладонь сжимают с силой профессионального борца. – Специалист по... ну, по всему остальному.

– Остальное нас не интересует, – отрезала профессор и прошла внутрь бункера, даже не взглянув на охранника, который пытался проверить её пропуск.

Следом за ней вошли трое мужчин. Первый – лысый, с бородкой и взглядом человека, который привык, что его боятся. Второй – молодой, в очках с подсветкой, которые явно что-то записывали. Третий – пожилой, с папкой под мышкой и выражением лица «я здесь случайно, вообще-то я занимаюсь бабочками».

Громов встретил делегацию в коридоре, вытянувшись по струнке. Ещё бы – комиссия была из Москвы, из самого Академического комитета по пара-нормальным явлениям, который, по слухам, финансировался из бюджета, о существовании которого даже министры не все знали.

– Рад приветствовать, – начал генерал, но профессор Знаменская перебила его, даже не замедлив шага...

– Где объект?

– В лаборатории, – ответил Громов, слегка сбитый с толку. – Но мы называем его «Самоварчиком».

– «Самоварчик»? – переспросил лысый с бородкой. – Это кодовое название?

– Ну... это скорее домашнее, – признался генерал.

– Домашнее, говорите, – усмехнулась Знаменская. – А у вас, генерал, вообще всё семейное? Я слышала, ваша супруга – та самая Жоржетта, подруга Августы Иосифовны, тоже тут с вами работает? Прямо все тут – товарищи, друзья и братья-сестры...

Громов слегка поправил китель, но улыбнулся:

– Да, Жоржетта. Она сейчас с сыном нашим, Ефимушкой. Ему всего год и семь месяцев. Конечно, жена вся в работе, но сына любит безумно. Правда, вахта здесь почти круглосуточная, так что малыш теперь с нами и няней – Екатериной Семёновной. Она за ним присматривает, пока мы тут колдуем с «Самоварчиком».

– С няней? – удивилась профессор. – Вы прямо детский сад в бункере устроили?

– А что делать, – развёл руками Громов. – Семья – это главное. Особенно для меня и, в частности, для «Самоварчика»: дружба нашей команды бесценна.

Знаменская остановилась и обернулась. Её взгляд был таким, что Громов на мгновение почувствовал себя провинившимся курсантом.

– Домашнее? – переспросила она. – Генерал, у нас тут не зоопарк. У нас научный объект федерального значения. «Самоварчик» – это звучит так, будто вы собираетесь пить чай.

– Вообще-то да, – раздался голос Варвары Прокопьевны из глубины коридора. Она вышла с подносом, на котором стояли чашки и вазочка с печеньем. – Чай будете? У меня есть барбарисовый, иван-чай и классический «Ахмад». А печенье – «Юбилейное», как вы любите.

Знаменская посмотрела на поднос так, будто ей предложили жареного таракана.

– Мы здесь не чай пить приехали.

– А зря, – спокойно ответила Варвара Прокопьевна. – Объект лучше реагирует, когда вокруг пахнет едой. Он вообще общительный становится после печенья.

– Она права, – тихо добавил Радаслав, высовываясь из-за спины Августы. – Он любит, когда угощают. Но только если искренне.

Знаменская посмотрела на мальчика. Потом на Августу. Потом снова на мальчика.

– Кто это?

– Мой сын, – ответила Августа. – Он... эм... находит с объектом общий язык.

– Ребёнок? – уточнил лысый. – Вы привлекли к работе с объектом федерального значения ребёнка?

– Он сам привлёкся?! – пожала плечами Августа. – Мы не звали.

– Сколько ему? – спросила она строго, будто возраст был нарушением протокола.

– Тринадцать, – ответила Августа, положив руку на плечо сыну. – И он действительно чувствует «Самоварчика» лучше любого прибора. Я, как медиум, могу подтвердить: у Радаслава редкий дар эмпатии, усиленный полем.

– Медиум? – переспросил лысый с бородкой, подняв бровь.

– Профессиональный, – спокойно ответила Августа. – С должным чувствованием мира. Но поверьте, это не мешает науке, а помогает.

Знаменская сделала пометку в блокноте, но промолчала.

Они вошли в лабораторию, где последние два дня всё было подготовлено к визиту комиссии: приборы откалиброваны, стулья расставлены, даже пыль протёрта (хотя Варвара Прокопьевна утверждала, что это «Самоварчик» сам решил навести порядок, когда узнал, что придут гости).

«Самоварчик» мерцал в углу, переливаясь мягким янтарным светом. Он как будто притих, прислушиваясь к новым людям. К их запахам. К их эмоциям.

– Визуальный контакт установлен. – сказал молодой человек с очками, нажимая что-то на своём устройстве. – Фиксирую поле. Интенсивность – средняя. Стабильность – высокая. Это... впечатляет.

Молодой человек видел «Самоварчик», как еле уловимое изменение пустоты воздуха. Жестом указал всей комиссии на него.

– Не спешите с выводами, – осадила его Знаменская. Она подошла к «Самоварчику» ближе, чем кто-либо из комиссии, и уставилась на него сквозь свои мощные очки. – Объект, представьтесь.

Она его не видела, а лишь угадывала.

Тишина.

– Объект, – повторила она громче, – назовите свои параметры.

«Самоварчик» мигнул. Раз, другой. А потом в комнате что-то произошло. Сначала просто дрогнули стены – мелкая вибрация, которую можно было списать на проезжающий грузовик. Потом замигали лампы. А затем стул, на который никто не садился, вдруг сам собой отъехал от стола на полметра.

– Это он так здоровается, – пояснила Августа. – Ну, или проверяет, кто тут главный.

– Он не может «здороваться», – возразил лысый. – Это квантовая флуктуация поля. У него нет воли.

– А это не квантовая флуктуация, – сказал Радаслав. – Это обида.

– Что?

– Он обиделся, – повторил мальчик. – Вы назвали его «объектом». А он не объект. Он – «Самоварчик».

Знаменская сняла очки и посмотрела на Радаслава с таким выражением, будто перед ней стоял говорящий муравей.

– Молодой человек, – начала она ледяным тоном, – я занимаюсь аномальными полями двадцать пять лет. И я не позволю ребёнку указывать мне, как называть объект исследования.

– Вы не верите, что он живой? – спросил Радаслав.

– Я верю в данные, – отрезала Знаменская. – А данные показывают, что это – полевая структура, способная к резонансному взаимодействию с определёнными типами мозговой активности. Никакой личности. Никакой воли. Только физика.

В этот момент люстра под потолком качнулась. Сильно. Так, что все невольно подняли головы. А потом в углу, за спиной Знаменской, материализовалось изображение: расплывчатый, но узнаваемый силуэт. Он напоминал человека, который сидит, подперев голову рукой, и смотрит с осуждением. С явным осуждением.

– Это... – начал лысый, но не закончил.

– Он показывает, что он думает о ваших словах, – перевел Радаслав.

– Он не может «думать»! – воскликнула Знаменская, но в её голосе впервые проскользнула неуверенность.

«Самоварчик» моргнул ярче, и изображение сменилось: теперь оно показывало чайник. Обычный заварочный чайник. Но чайник не просто стоял – он закипал, из носика шёл пар, и этот пар складывался в буквы. В буквы, которые складывались в слово.

«ГОСТ».

– Он что, издевается? – спросил молодой человек с очками, невольно улыбнувшись.

– Не может быть, – прошептала Знаменская, поправляя очки. – Это запрограммированная реакция. Кто-то из персонала подстроил.

Ксенофонт подошёл к ней и мягко сказал:

– Профессор, никто ничего не подстраивал. Он просто показывает вам, что он умнее, чем вы думаете. И что ему не нравится, когда его называют объектом.

– А как ему нравится? – спросил вдруг пожилой мужчина, который молчал всё это время.

– «Самоварчик», – ответил Радаслав. – Или «товарищ». Он не привередливый.

Знаменская снова надела очки, глубоко вздохнула и произнесла таким тоном, будто делала одолжение вселенной.

– Хорошо. «Самоварчик». Продемонстрируйте, пожалуйста, способность к материализации физического объекта. Если вам, конечно, не трудно.

В её голосе звучала саркастическая вежливость, которая должна была подчеркнуть абсурдность происходящего. Но «Самоварчик», кажется, воспринял её слова буквально.

Он мигнул – и на столе перед комиссией появилась чашка. Самая обычная чашка. С блюдцем. С ложкой. И с чаем внутри.

Горячим.

С паром.

Знаменская уставилась на чашку так, будто та могла укусить.

– Этого не может быть, – сказала она.

– Может, – ответила Августа. – Он вообще много чего может. Мы тут уже привыкли.

– Это нарушает законы термодинамики.

– Он дружит с термодинамикой. Они вместе пьют чай по выходным.

Знаменская взяла чашку. Осторожно, двумя пальцами, будто боясь, что та взорвётся. Поднесла к губам. Отпила.

– Чай, – сказала она. – Обычный чай. Чёрный. С сахаром. Две ложки.

– Вы любите с двумя? – уточнила Варвара Прокопьевна.

– Люблю, – рассеянно ответила профессор. А потом посмотрела на «Самоварчика» так, как смотрит физик-теоретик, когда его любимая теория только что развалилась на куски. – Он знает, сколько сахара я люблю?

– Он чувствует, – ответил Радаслав. – Вы подумали про две ложки, когда взяли чашку. А он услышал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.